

К ВОПРОСУ О ПОРЯДКЕ ПРИСОЕДИНЕНИЯ СИНТАКСИЧЕСКИХ КОНСТРУКЦИЙ В СТРУКТУРЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

Велиева Гюлер Исафил гызы
Аспирант, Бакинский
славянский университет

ON THE QUESTION OF THE ORDER OF JOINING OF SYNTACTIC CONSTRUCTIONS IN THE STRUCTURE OF AN ARTISTIC TEXT

G. Veliyeva

Annotation

In the presented article, the author's attention is focused on one of the interesting aspects of linguistics related to the question of the order of joining syntactic structures in the structure of an artistic text. In connection with the stated topic, this article clearly falls into two parts: in the first one we are talking about two variants of a rhema-thematic connection. The second part of the article talks about the progression in the complex sentences of the Russian language.

Keywords: actual division of the sentence, theme and rhema, constant and derivative topics, communicative-syntactic level, functional perspective, structure.

Аннотация

В представленной статье внимание автора сосредоточено на одном из интересных аспектов языкознания, связанных с вопросом о порядке присоединения синтаксических конструкций в структуре художественного текста. В связи с заявленной темой настоящая статья чётко распадается на две части: в первой речь идёт о двух вариантах рема-тематической связи. Во второй части статьи говорится о прогрессии в сложноподчинённых предложениях русского языка.

Ключевые слова:

Актуальное членение предложения, тема и рема, константная и производная темы, коммуникативно-синтаксический уровень, функциональная перспектива, структура, конструкция.

В конце XX века видный чешский языковед Франтишек Данеш в одной из своих работ предложил на рассмотрение такое актуальное членение предложения, части которого связаны между собой синтаксическими отношениями. А именно, учёный выделил пять основных типов тематической прогрессии. С 1978 года, когда была разработана данная теория, минуло почти полвека. За этот период некоторые языковеды, специально занимавшиеся этим вопросом (М.К. Хэллидей, Н.А. Слюсарева, В. Матезиус и другие) как бы подретушировали гибкий порядок слов, отражающий актуальное членение. В результате получилась унифицированная система, состоящая из трёх типов: линейная тематическая последовательность; константная тема и производная тема.

Главным конструктивным элементом текста является тема. Чаще всего она включает в себя стандартизированное опорное слово (или словосочетание), смысл которого пространнее раскрывается в последующих частях предложения. Тема – это изначальная точка факта, имени или события. От неё, как с плацдарма, начинается движение в содержании текста. Характер этого движения может быть различным. В одних случаях тема сохраняется и повторяется в определённых частях текста (эллиптического или сложного синтаксического целого). В других

происходит переход к новой теме. Рема, как известно, распространяет тему, привнося в предложение новое содержание. Как отмечает Л.В. Шешукова, "тема есть некая исходная точка высказывания (не обязательно, кстати сказать, данная, то есть известная); рема же – это такая часть высказывания, в которой заключена его главная информация и которая между тем представляет собой основную цель высказывания. Соотнесением этих компонентов, по мнению языковеда, собственно, и создаётся предложение как динамическая структура" (10, с. 70).

Продолжим мысль учёного. Динамизм предложения, как любой другой законченной единицы, по природе своей подразумевает определённый набор специфических для темы и ремы свойств. Это: предметность, субъективность, объективированность, целостность, структурность, константность, активность, категориальность, осмысленность и некоторые другие. Но, как будет ниже показано в нашей статье, эти варианты в процессе анализа определённых присоединительных конструкций могут быть весьма разнообразными.

Разнообразие вариантов вполне объяснимо с логической точки зрения. Дело в том, что реализация мысли в структуре художественного текста не всегда осуществ-

ляется плавно и гибко. Нередки случаи прерывистых наращений отдельных компонентов. Но, возникая в качестве дополнительного "сырья", они в конкретном контексте по своей семантической значимости, как правило, обусловлены не случайностью, а целенаправленностью речевого выражения (имеется в виду речь автора или его героев). Но если говорить сугубо о языковой стороне вопроса, то следует уточнить: присоединительные конструкции обнаруживаются в сфере речевого общения, точнее, на коммуникативно-синтаксическом уровне системы. Следовательно, характер присоединительных конструкций с их многочисленными вариантами надлежит проводить в аспекте актуального членения предложения. Это и означает разделение предложения на тему и ремю. При этом необходимо помнить, что рема продуцирует возникновение добавочных компонентов, которые должны быть мотивированы появлением нового коммуникативного задания, в свою очередь связанного с заданием основного предложения. Возникая в соответствии с дополнительным коммуникативным заданием, присоединённые компоненты своей семантико-функциональной значимостью решают задачи более полного речевого выражения. При этом необходимо помнить, что условия выделения нескольких тем не тождественны условиям выделения нескольких рем. Поэтому при анализе синтаксических присоединительных конструкций в художественном тексте высказывания одного типа следует считать отвечающими однонаправленному коммуникативному заданию, с соответствующей одноплановой функциональной перспективой. В то же время необходимо отделять их от высказываний другого типа, отвечающим многонаправленному коммуникативному заданию, с соответствующей многоплановой функциональной перспективой.

Констатируем: наличие определённого рода присоединительных компонентов прежде всего обуславливаются взаимодействием двух основных факторов: вневременной константностью, то есть определенностью своего возникновения и коммуникативно-функциональной заданностью (или предопределённостью). Показательно заметить, что для процесса прогрессии в русском языке некоторые лингвисты (Ю.Н. Караулов, А.В. Исаев и другие) считают, что временная непредсказуемость является самым важным, а порою и единственным фактором при присоединении синтаксических конструкций. Другие же (Л.М. Грановская, А.И. Шахбазова, Л.В. Шешукова, Я.И. Гаряев, М.Е. Шафиро) полагают, что неправомерно урезать роль коммуникативно-функциональной предопределённости. Признание последнего фактора одним из главных, который определяет саму специфику присоединения, позволяет объяснить ту семантико-функциональную значимость присоединённых компонентов, роль которых принижается первыми вышеназванными учёными. Правда, добавим, что в согласии с таким делением в художественном тексте мы нередко встречаемся с такой

картиной: конструкции с синтаксическими присоединёнными компонентами с психологической доминантой рече-мыслительного процесса вступают в столкновение с логико-грамматическими особенностями. Позиция художников слова, как правило, привносит в ремю ту новую информацию, которая вызвана последовательностью ощущений, что в свою очередь сопровождается комплексом психологических признаков восприятия говорящих предметов или явлений окружающей действительности. "Психологи рассматривают восприятие как активный творческий процесс познания, как непрерывный когнитивный процесс извлечения информации из внешнего мира" (9, с. 50). Логичным в этом процессе выглядит, к примеру, кредо В.Б. Касевича о наличии в рема-тематической связи "психологического субъекта" и "психологического предиката". На этой основе исследователь вообще считает, что в художественных текстах тема-рематические членения практически любых высказываний следует отнести к "двучленной структуре пропозиции по линии "субъекта-предиката" (5, с. 244–245).

Мы также солидарны с тем суждением, что в такого рода художественных текстах наличествует временная непредусмотренность синтаксического присоединённого компонента, некая послевременность его возникновения. В процессе рече-мысли порождения рема способна расширить тему в аспекте психологического обоснования того или иного познавательного процесса. Вместе с тем трудно, на наш взгляд, согласиться с теми названными учёными, которые рассматривают чисто временную непредусмотренность вне её связи с последующей коммуникативно-функциональной значимостью информации, идущей от ремы.

Поясним эту мысль. В художественной литературе можно столкнуться с такими случаями, когда послевременное функционирование добавочного компонента обуславливается определённой последовательностью появления некоторых образов, представлений или воспоминаний, непосредственно не связанных в момент речи с данными реальной ситуации. Иными словами, они в начале своего возникновения как бы не прогнозируются со стороны говорящего. "Употреблённые в метафорах абстрактные существительные полностью реализуют своё значение в контексте и становятся частью ассоциативного плана повествования" (4, с. 67).

С таким явлением чаще всего сталкиваются в тех случаях, когда источником для добавочного сообщения становятся отсутствующие в момент речи литературного героя лица, предметы или события. Некоторый "срез действительности" оказывается временно исключённым из поля зрения говорящего. Функции учёного, исследователя норм актуального членения предложений, и задачи писателей расходятся. Последний проецирует прошлые воспоминания на будущие высказывания; с позиции вы-

деления рема–тематических отношений данный отрезок речи оценивается именно как коммуникативно необходимый для более полной и точной реализации мысли, адресуемой собеседнику.

А теперь соединим эти два момента с помощью примеров, взятых из художественного текста:

" - А мне вот будто бы и вспомнить-то нечего, - вздохнула она. Только одно и помню - море. И собаку хозяина. Её Шайтаном звали. А она вовсе и не злой была. И меня очень любила" (8, с. 54).

Или: *"Игорь вспомнил жену профессора. Красоточка. И весёлая"* (6, с. 108).

"Куда идешь-то, красотка? Эх, калинушка ты моя. Горьковатая" (11, с. 161).

Следовательно, временная непредусмотренность опеределённой присоединительной конструкции в начале рече–мыслительного процесса и его добавочное появление значимо как с логико–грамматической, так и коммуникативной точки зрения. Рема (вторая часть двух приведённых предложений) распространяет тему в плане функционирования ощущений, черт и признаков социальной перцепции, то есть образов, представлений, воспоминаний и т.п.

С другой стороны, послевременное возникновение присоединённого компонента, но также в соответствии с определённым коммуникативным заданием происходит в тех случаях, когда языковед интересуется не столько данные реальной ситуации, сколько речевой. Это означает наличие такой темы, которая предполагает рему в форме утверждения речевой исчерпанности высказанной мысли, чаще адресуемой в коммуникативных целях явному или предполагаемому субъекту. Писатель же, как правило, стремится воплотить в художественном тексте максимально большую степень осведомлённости собеседника в предмете настоящего разговора. И чаще всего не более того. Рема различными грамматическими и синтаксическими средствами становится от этого более насыщенной необходимыми фактами, которые и надо передать в соответствующем тексте.

Временную непредусмотренность дополнительного сообщения оформляет присоединённый компонент. И это находит логическое объяснение уже не в особенностях познавательного процесса со стороны собеседника (как было приведено нами в первом случае), но более критической оценкой говорящим высказанной им предыдущей мысли с позиции её коммуникативной исчерпанности.

Корректнее, по нашему мнению, рассматривать подобные конструкции с такими, наиболее частыми в художественных текстах лексико–грамматическими средствами, как местоимения. Квантитативный анализ предложений разных типов с рема–тематической связью по-

казывает, что значение местоимений полнее конкретизируется в определённом контексте. Если же конкретизация отсутствует или указана автором не достаточно чётко, то высказывание в целом (включая тему и рему) приобретает характер семантико–функциональной неопределённости. Но именно эту нечёткость в оформлении мысли, размытость границ в данном случае отчасти снимают добавочные сообщения, конкретизирующие в известной степени отвлечённое речевое выражение одного из компонентов предложения.

Например:

"Не будем этому придавать слишком уж большое значение. Тому, что ты здесь писала" (7, с. 104).

"Я тебя всё больше иным представляла. Немного нерешительным, без такой вот житейской пробивной силы" (3, с. 117) и т.д.

Как видно из двух примеров, присоединённые компоненты возникают в соответствии с определёнными добавочными конструкциями с коммуникативными заданиями. При использовании в предложении местоимений эти задания своим составом отвечают на конкретно поставленный вопрос. В первом случае: Чему не будем придавать значения? Во втором: Каким я тебя представляла?

Рема–тематическая связь может быть также основана на повторе с помощью местоимения. Например, в стихотворении Н. Гумилёва есть такие строки:

*"Сады моей души всегда узорны,
В них ветры так свежи и тиховейны,
В них золотой песок и мрамор черный,
Глубокие, прозрачные бассейны"* (2, с. 223).

Здесь главное тематическое слово "сады" в реме заменяется местоимением "в них".

Итак, выше были рассмотрены конструкции, в которых синтаксический присоединительный компонент в реме распространяет тему с целью компенсировать семантико–функциональную недостаточность одного из них. Исследователями уже давно отмечено, что тема, как правило, предшествует реме. Однако это нельзя считать явлением, узаконенным в художественном тексте. Известно также немало случаев, когда рема занимает препозицию по отношению к теме. Чаще всего это встречается в сложноподчинённых предложениях русского языка.

Это легко объяснимо. Простые предложения преимущественно имеют одноплановую функциональную перспективу; сложные же в большинстве случаев характеризуются соответственно многоплановой. Природа сложного предложения русского языка такова, что в его составе всегда соединены два или несколько предикативных единиц. Следовательно, появляется возможность для возникновения всевозможных вариантов перемещения

ремы и темы в пространственном континууме (так называемая расщеплённая тема) и в лексико-семантическом отношении.

Частный план функциональной перспективы сложно-подчинённых предложений допускает несколько ступеней актуального членения, отражает различные виды построения. Скажем, линейное – при последовательном соподчинении синтаксических членов внутри предикативных единиц.

Например, в стихотворении А. Ахматовой:

*"Мне странно в тот день была прогулка,
Когда я вышла, ослепил меня
Прозрачный отблеск на вещах и лицах"* (1, с. 173).

На первой ступени членения первая строка распадается на тему, которая является придаточной частью предложения и реме (главная часть). Переброс частей (по сравнению с первыми примерами в настоящей статье) связан со специфическим структурированием поэтического текста. Именно в реме реализуется сообщение о не-

котором развёрнутом действии ("Ослепил меня / Прозрачный отблеск..."). Реализация происходит в определённой временной ситуации (... "когда я вышла"). Содержание придаточной части в этом стихотворении представляет лишь косвенные факты. Поэтому можно утверждать, что взаиморасположение частей находится здесь в соответствии с объективным словопорядком высказывания.

Приходим к некоторым выводам и обобщениям: анализ фактического материала, подкреплённый некоторыми примерами, взятыми нами из художественной литературы, продемонстрировал, что присоединённые компоненты в своём возникновении чаще обуславливаются взаимодействием двух факторов. С одной стороны, это временная непредусмотренность, а с другой – коммуникативно-функциональная предопределённость. Иными словами, прогнозируемость последующего высказывания, реализуемая в реме. Возможность возникновения различных вариантов тема-рематической связи ярче проявляет себя в сложноподчинённых предложениях, так как это диктуется их природой.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахматова А. Стихотворения. М.: Художественная литература, 1989. 416 с.
2. Гумилёв Л. Стихотворения. М.: ЭКСМО-ПРЕСС, 1999. 365 с.
3. Еленин М. 1994 – Еленин М. Семь смертных грехов. М.: Прогресс, 1994. 213 с.
4. Карпова Л. С. О лингвопоэтической функции метафоры в текстах разных повествовательных типов // Вестник МГПУ. Сер. "Филология. Теория языка. Языковое образование". 2014, №3 (15). С. 63–70.
5. Касевич В. Б. Труды по языкознанию. М.: Наука. 2006. 664 с.
6. Кетлинская В. К. Иначе жить не стоит. Роман. Л.: Художественная литература, 1980. 187 с.
7. Панова В. Жестокие сказки. М.: Самиздат, 2011. 201 с.
8. Рутько А. И. Под солнцем: рассказы. М.: Художественная литература, 1935. 96 с.
9. Чалей О. В. Комплексное восприятие вкусовых ощущений в художественном дискурсе // Вестник МГПУ. Сер. "Филология. Теория языка. Языковое образование". 2016, № 2 (22). С. 49–54.
10. Шешукова Л. В. 1972 – Шешукова Л. В. Об актуальном членении сложных предложений // Филологические науки, 1972, № 1. С. 69–78.
11. Шолохов М. А. Тихий Дон. Роман. В кн.: Собрание сочинений в 8-ми томах. Т. 3–4. М.: Художественная литература, 1988. 383 с.

© Г.И. Велиева, (bitkovskayay@inbox.ru), Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»,

www.asergroup.ru

АСЭР
ГРУПП

**КОМПАЕНС-КОНТРОЛЬ И
АУДИТ В КОМПАНИИ:**
построение успешной системы правовой защиты бизнеса

1 июня 2018
Отель "Арагат Парк Хаятт", Москва

РЕКЛАМА

ГК Агентство Социально-Экономического Развития
тел: (495) 971-5681
http://www.asergroup.ru